

НА УРОКАХ НЕЙГАУЗА

Присутствие на уроках Генриха Нейгауза в 29-м классе Московской консерватории всегда было праздником. Здесь именно царил удивительно неподдающаяся творческая атмосфера. Среди слушателей, помимо его учеников, бывали ученики и из других классов, заходили также педагоги, друзья, знакомые и даже незнакомые. Генрих Густавович любил аудиторию и щедро делился с присутствовавшими и своими обширными знаниями, и своим искусством.

Огромная эрудиция Генриха Густавовича в сочетании с природным артистизмом позволяли проводить занятия в непринужденной свободной-импровизационной манере. Умные, увлекательные разговоры с интересными видами искусств, литературу (особенно поэзию, философию), меткие образные сравнения и замечания, нередко афористичные, а также необычайно выразительные дирижерские жесты, сопровождавшие временами игру учеников и говорившие порою больше самых красноречивых слов, и, наконец, изумительное, вдохновенное исполнение Нейгаузом отдельных фрагментов изучаемых произведений привлекали к нему всеобщее внимание, делали его уроки особенно содержательными и плодотворными.

Для нас, его учеников, уроки эти были поистине откровением, настоящими музыкальными (да и не только музыкальными) университетами, приближающими к высокой духовной культуре. Но и играя перед Генрихом Густавовичем на уроках было очень непросто и чрезвычайно ответственно. Я, как правило, не спешил показываться ему с не вполне выученной программой и предпочитал слушать его занятия с другими учениками, что было не менее интересно и полезно.

Со мною Генрих Густавович занимался главным образом незадолго перед экзаменами, а также в пору подготовки к международным конкурсам или очередному концерту. Нередко занимался очень подробно и требовательно, стремясь по возможности добиться каких-то осязаемых результатов.

Юрий МУРАВЛЕВ,
заслуженный артист РСФСР.

О ТВОРЧЕСКОМ КРЕДО МАСТЕРА

Я безмерно счастлив, что судьба подарила мне возможность учиться у замечательного музыканта и художника — Г. Г. Нейгауза.

Первое впечатление. Я, 16-летний зеленый мальчишка, еще школьник, играю Генриху Густавовичу I балладу Шопена, и он, ни разу не прервав меня, по тому говорит: «Душечка, ты знаешь, я во многом эту балладу представляю по-другому, но ты играешь убедительно, играй так». Вот это уважительное отношение к другой творческой индивидуальности было основным творческим кредо великого мастера, и лучшим памятником ему является могучая и многочисленная фортепианная школа Нейгауза, включающая в себя множество совершенно разных исполнительских со своим творческим лицом.

Учиться у Г. Г. Нейгауза было очень нелегко, потому что каждый урок у него был как бы концерт, так как в классе всегда были человек 20—30 и приходилось играть перед аудиторией. И, конечно, это было не просто нелегко, а очень трудно.

Учиться у Г. Г. Нейгауза было очень нелегко, потому что каждый урок у него был как бы концерт, так как в классе всегда были человек 20—30 и приходилось играть перед аудиторией. И, конечно, это было не просто нелегко, а очень трудно.

случаях он очень едко, иногда даже больно высказывал студенту все, что он о нем думает, и если студент не мог перестроиться, не мог удовлетворить высоким требованиям профессора, то для него лучшим вариантом было уйти из класса Нейгауза. Генрих Густавович был очень строг и требователен к точному прочтению учеником авторского текста. Очень часто, с горечью он произносил: «К сожалению, студенты видят 25—30 проц. того, что написал автор», — и скупенчато пожимал плечами.

Генрих Густавович настолько любил музыку, что, проходя в н-ный раз какое-нибудь сочинение, все равно увлекался и занимался со студентами так, словно проходил это сочинение впервые. Такие уроки для студентов Г. Г. Нейгауза были праздником, поскольку не подпадали под категорию «уроков дирижера», где дирижерской руке было невозможно было продолжать и два, и три часа. И после таких уроков студент чувствовал себя просветленным, более возвышенно и музыкантски убедительно.

В. В. КАСТЕЛЬСКИЙ,
и. о. профессора.

Мне повезло: я училась у Генриха Густавовича Нейгауза не только в консерватории и аспирантуре, но еще и в старших классах Центральной музыкальной школы. Первый раз я услышала игру Генриха Густавовича в музее А. Н. Скрябина в 1945 году, вскоре после возвращения Генриха Густавовича из Свердловска в Москву. Он играл скрябинскую программу, много познего Скрябина. Меня поразила волшебная красота неведомых доселе звуков, ажурность их ткани в сочетании с мощью аккордов и богатство фактуры. Это было чисто эмоциональное, юношеское восприятие нового, захватывающего, еще без истинного понимания...

А вскоре я играла Генриху Густавовичу, и он взял меня в свой класс. Может быть, оттого, что Генрих Густавович знал меня со школьных лет, привик ко мне, нередко проявлял на наших занятиях какую-то особую доверительность. В конце 40-х—

ВДОХНОВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ

начале 50-х годов, в период многочисленных репертуарных зазетов, много рассказывал он мне о музыке и музыкантах XX века, особенно о Скрябине и его поздних произведениях. Наигрывал последние сонаты, вспоминая с грустью, как в апреле 1923 года в два вечера сыграл их все... Эта музыка, поначалу мне совершенно непонятная, архисложная, объясненная удивительно образным и точным языком Учителя, постепенно начала проявляться в моем почти «первобытном» сознании. Он доказал мне четкую строгость скрябинской формы, логичность тональ-

ных планов, помог разобраться в структуре и образном строе этих гениальных сочинений. Можно сказать, он «вдохнул» в меня Скрябина, начиная с того первого знакомства в музее. И пусть не покажется странным: рядом со Скрябиным — Бах! Такие полноты увлечения и привязанностей были свойственны Генриху Густавовичу. Как ярко вспоминается до сего дня период короткой и страстной подготовки к первому баховскому конкурсу в Лейпциге. Стучилось, что за невероятно малый срок надо было выучить большую программу. Музыка

Баха у Генриха Густавовича всегда поражала меня чистотой и мудростью, эмоциональностью, подлинной пассиональностью при чрезвычайно строгом вкусе. Его необъятная память позволяла ему играть мне много примеров не только из конкурсной программы — Бранденбургские концерты, хоры и другие фрагменты мессы h-moll. Так, с «благословения» моего Учителя Бах и Скрябин стали как бы столпами и мой собственной творческой деятельности.

М. А. ФЕДОРОВА,
доцент.

ВСПОМИНАЯ...

Мне повезло. Когда я готовил дипломную программу в музыкальном техникуме имени Сталина, а это было в 1930 г., моя преподавательница С. К. Дашплетер, страстная поклонница Генриха Густавовича, решила показать меня ему, и если он сочтет возможным, дать мне несколько уроков.

Помню, пришли мы в его квартиру в Трубниковском переулке. Он сидел в черное кожаное, очень древнее, с выпирающими пуговицами кресло и стал слушать. По-видимому, я был не совсем безнадарен, ибо он изложил согласие со мной познакомиться.

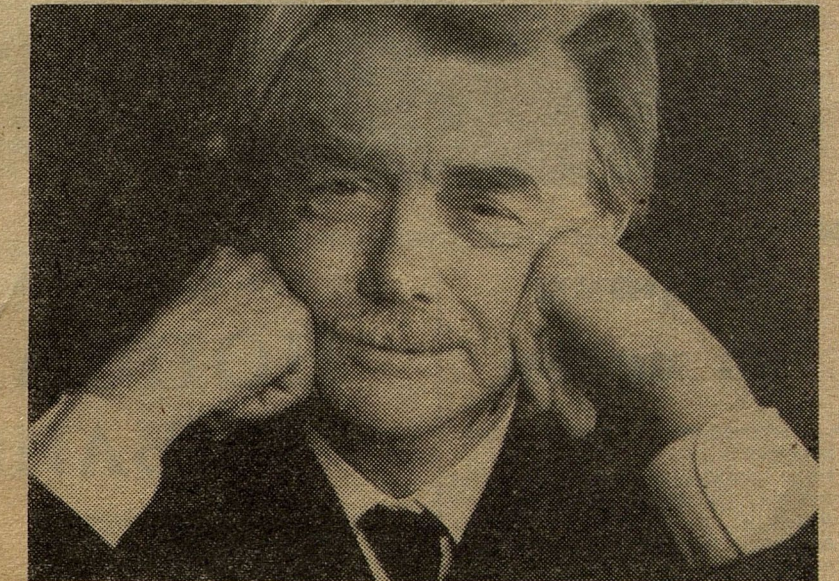
Каждый урок был событием, потрясением. Я помню, как заучивая возможность петься в роле, что такое таинственное покое «стун». Я играл тогда I-й концерт Шопена, и Генрих Густавович показал мне трепетно матовое звучание главной партии, как бы озаренную внутренним светом побочную. Все пассажи игрались не просто легато, но буквально «выпевались». Стюка он не переносил. Помню, когда я играл ему хроматический этюд Листа, он с сарказмом сказал:

Вы думаете, вы играете? Вы едете по старой разбитой дороге, а тарантас без рессор. Много пришлось поработать,

чтобы добиться того журчащего звучания, которого он требовал. Не выносил Генрих Густавович никакой манерности. Помню, уже когда я был студентом его класса на первом курсе консерватории, играл поэму Скрябина op. 32, и позволил себе поднять глаза к небу. Генрих Густавович тут же отреагировал: «Не смотрите на потолок. Там ничего не написано. Все на клавиатуре».

Никогда не забуду, как он работал со мной над 3-м концертом Бетховена, добиваясь мужественности и глубины. На открытом концерте партию 2-го рояля исполнил Рихтер, и это требовало особой мобилизации всех внутренних сил. Из произведенных с ним прес особенно запомнились его вдохновенный показ «Прелюдий, хорала и фуги» Франка, «Вариаций на польскую народную тему» Шимановского, которые он особенно любил.

В 1938 г. его ассистенты Я. И. Зак и Э. И. Гроссман получили доцентуру и самостоятельные классы. Произошло перераспределение студентов. Генрих Густавович спросил меня: «Как Вам лучше: остаться в моем классе или перейти к Эмилию?» (Э. И. Гроссману). Я, который нуждался тогда в кропотливой систематической работе, поскольку пять

лет перед консерваторией прозанимался в техническом вузе, ответил: «Если Вы обещаете слушать каждую подготовленную с Эмилио программу, то, наверное, мне полезнее перейти к нему». Генрих Густавович обещал и сдержал это обещание. Ни разу я не выходил на эстраду, не будучи предварительно прослушанным Генрихом Густавовичем. И всегда он находил какие-то штрихи, которые делали исполнение более живым и ярким.

Об аресте Генриха Густавовича я узнал, будучи в армии. Часть, где я служил, стояла под Москвой. Это дало мне возможность передать «пайковому» табак и папиросы Милице Сер-

геевой для Генриха Густавовича. А когда его освободили, я привез к нему на квартиру на улице Чкалова, он со свойственным ему юмором сказал: «Вот видите! Я прошел все, что положено каждому порядочному человеку: даже в тюрьме посидел». Теплое отношение ко мне великого музыканта сказалось в той характеристике, в которой он рекомендовал меня в качестве ассистента к Я. И. Заку. Но главное, моменты общения с Нейгаузом оставили неизгладимый след в душе, навсегда внушив преклонение перед его величием Музыкой.

Л. М. ЖИВОВ,
и. о. профессора.

ИСТИННЫЙ МУЗЫКАНТ

Генрих Густавович Нейгауза много связывало с Уралом и особенно со Свердловском. При его живейшем участии создавались Свердловская — ныне Уральская — консерватория, первая на востоке страны. Тогдашний ректор Московской консерватории, Нейгауз привез в молодую консерваторию своих выпускников — Б. Маранца и С. Бендикова, возглавлявших фортепианные классы. Творческое сотрудничество было достаточно высоким — в течение ряда лет Генрих Густавович помогал консерватории набирать силы, по праву чувствуя себя одним из ее «духовных отцов».

Было это в 1934 году — Нейгауз, конечно, не мог даже предположить, какие жизненные испытания приведут его на Урал через восемь лет. Незаслуженно оговоренный, он был арестован осенью 1941 года, а в 1942 году был выслан на Северный Урал. Нетрудно себе представить, что ожидало его на лесозаготовках — вряд ли ему было суждено вернуться...

Благодаря усилиям группы музыкантов во главе с профессором Киевской консерватории А. М. Луде-ром (он тогда был директором объединенной Свердловской и Киевской консерватории) чудом удалось спасти Нейгауза и буквально снять

его с рокового эшелона, ожидавшего его сыновья. Не побоясь назвать его преподаванием Нейгауза в Свердловске, если не кульминацией его педагогической, то одной из самых ярких ее вершин. Время творчество полнейшей самоотдачи всех сил. Нейгауз понимал, что значили его уроки для музыкальной культуры Урала, он снова, из урока в урок, утверждал себя, как великий музыкант, поднявший педагогику до уровня подлинного искусства. Незабываемы его уроки, на которых он так глубоко, так сильно, как музыку. Как актуальна эта мысль Нейгауза не порывав творческих связей со Свердловском до конца дней — зимой 1961 года он в последний раз приехал на Урал. Когда он вел открытые уроки, читал доклады, все были заворожены — ведь Нейгаузу шел уже семьдесят четвертый год, но молодость души он сохранил и в столь преклонные годы.

Каждый юбилей заставлял задуматься о многом. О верности традиции, об их плодотворности, о том, сколь многим Нейгаузу, не только Генриху Густавовичу, но и корифеям советского пианизма, вместе с которыми — пусть не всегда в полном согласии, но и в плодотворных для дела спорах — Генрих

Густавович строил здание советского пианизма. О Ф. М. Блуменфельде и К. Н. Игумнове, С. Е. Фейнберге и А. Б. Гольденвейзере, Л. Н. Оборине, Г. Р. Гинзбурге, В. В. Софроничево — поневоле ставлю многоточие...

В пору перестройки Генрих Густавович не преминул бы напомнить и о мыслях, волновавших его многие годы. Впрочем, они не перестают беспокоить нас и ныне, как нельзя лучше отражая беды нашего образования. Одно из главных огорчений нашей нынешней преподавательской работы таково: я не могу требовать от моих учеников того, что я вправе требовать как музыкант и пианист — из-за чрезмерной их перегрузки и страшного недостатка времени для самой важной работы — работы на дому. Я хорошо знаю, что это одно из главных огорчений и учеников во время их пребывания в консерватории. Неужели мы никогда не выйдем из этого тупика!... Работа, на которой ученик приобретает больше всего знания и умения, считается наименее важной... Когда же прекратится это безобразия!

Вещи слова, мы уже более тридцати лет — не пора ли, хотя бы в дни нейгаузовского юбилея, прислушаться к ним...

И. ЗАТЕЛЬ,
профессор Уральской консерватории.

нам удалось достойно отметить 100-летие со дня рождения Г. Г. Нейгауза.

Когда мы с С. Т. Рихтером обговаривали предстоящие празднование юбилей Г. Г. Нейгауза, то стали составлять список играющих сейчас пианистов. И тут оказалось, что их такое количество, активно играющих, тех, кто хотел играть на фестивале (я не беру тех, кто был болен, или был в дальней поездке), что, конечно, московские залы не могли вместить всех. Поэтому приходилось делать концерты на двоих, на троих и даже на четверых. Тут имеются в виду музыканты, имеющие непосредственное отношение к имени Нейгауза, и уже, конечно, не только о звуках и правнках Генриха Густавовича, т. е. наших учениках и учениках наших учеников. И вот здесь, во время нашего фестиваля, выявилась, может быть, одна из самых главных педагогических черт Нейгауза — насколько все эти пианисты разные! Совершенно разные индивидуальности. Есть ярчайшие, есть просто яркие, есть ясные индивидуальности — это уже зависит от степени, вернее количества таланта, но все они нейгаузовцы, т. е. все они служат нашей культуре, и не только нашей, но и мировой культуре. Ведь приезжали многие бывшие студенты-иностранцы, ныне активные музыкальные деятели, приезжали из многих городов Советского Союза — из Горького, Саратова, Свердловска, Одессы и т. д., географический список можно продолжить еще. И выяснилось, что все мы, нейгаузовцы, как бы сами по себе и в то же время все вместе заодно, т. е. существует какое-то братство, единство основных принципов: и этических, и нравственных, и философских. Конечно,

педически знающим человеком, однако никогда не выплывал этого своего свойства. Говорил на многих языках, знал в том числе и латынь и немного древнегреческий. (Во всяком случае читал древних греков в оригинале и, в общем, понимал). Я уже не говорю о том, насколько он знал философию в ее истории. Причем мог в необходимых случаях к месту процитировать не только, скажем, греков или древних римлян, но и «Капитал» Маркса в оригинале на немецком языке или, например, Ницше (тоже в оригинале), что было в то время для нас, во всяком случае для меня, подобно шоку. Ведь нас учили, что Маркс — это хорошо, а Ницше — неизменно плохо, хотя он крупнейший философ и оставил очень серьезный след в философии. Вообще ряд философских имен, включая, конечно, Канта и Гегеля, активно упоминавшихся и цитировавшихся Г. Г. Нейгаузом, очень велик. Всех просто и невозможно назвать.

Если говорить о его знании мировой культуры, то нельзя не вспомнить, что он необычайно хорошо знал живопись. В особенности любил итальянское Возрождение. Мог подробно описывать картины, знал, где они висят. Мне, кстати, это чрезвычайно помогло, когда я в первый раз был в Италии и благодарю заочному экскурсу Генриха Густавовича знал, куда и что идти смотреть.

Поэзия и Нейгауз. Как рассказать, насколько он знал поэзию? Почти к каждому случаю, к своей (в лучшем смысле этого слова) сенсации в музыке он всегда проводил естественные поэтические параллели. Вне конкуренции у него был Пушкин. Но, безусловно, только Пушкин, так он никогда не ограничивался. Здесь были и Гете, и

необычайно высокий уровень его духовной жизни.

Да, у него были свои пристрастия, которых он не скрывал, поэтому были некоторые обобщения (и даже его собственные ученики), но все это настолько мелко по сравнению с художественной фигурой, обликом Генриха Густавовича, и с тем, что, еще раз повторю, он оставил после себя, что смею утверждать, просто целиком в этом убежден, что его дело, его личность, его имя останутся надолго в истории. Мы все в свое время уйдем, несмотря на все технические ухудшения нынешнего времени, а Нейгауз останется, останется горячая любовь к нему. Доказательством тому явилось все происходившее на праздновании 100-летия Г. Г. Нейгауза.

Когда вспоминаешь, какая атмосфера царил на концертах фестиваля, становится очень радостно. И в этой связи мне очень хочется сказать, что сейчас ведутся многочисленные, очень серьезные (на мой взгляд, слишком серьезные) дискуссии о том, что нынешняя молодежь не хочет классической музыки, отрицает ее. Ну да, наиболее примитивные существа пишут и в газеты, и на радио, что нам не нужны Моцарты, и т. д. Их жалко, конечно, просто по-человечески. Но не в этом дело. Кажется, что мы ищем альтернативу этому засилью оглушающего, примитивного рока или еще там чего-нибудь (я не очень хорошо в этом разбираюсь), а альтернатива, по-моему, вот в том, что у нас происходило во время фестиваля. Вы утверждаете, что люди не хотят слушать классическую музыку. Тогда попробуйте послушать на концерты, которые были в рамках этого фестиваля. Мне кажется, то, что удалось

ЧЕРЕЗ ЕГО ИСКУССТВО ВИЖУ ОГРОМНОГО ЧЕЛОВЕКА

Дорогой Генрих Густавович! Сейчас во многих воспоминаниях о Вас, на мой взгляд, несколько смещены акценты. Все говорят и постоянно подчеркивают, что Нейгауз замечательный, великий педагог. Безусловно, это так. Но все же сначала Нейгауз — это совершенно удивительный пианист-исполнитель, неподражаемый артист. Его исполнение таких произведений, как, например, 5-й концерт Бетховена, 2-й концерт Листа или концерт Скрябина, я уже не говорю о чисто фортепианных произведениях Скрябина, Шопена, вспоминаю сейчас и этюд Рахманинова op. 39, было незабываемым. К сожалению, в то время, когда он концертировал, техника звукозаписи была не на должном уровне, поэтому записи воспринимаются как архивные. Но тем не менее, знаток и любитель фортепианной музыки может понять, какой это был замечательный исполнитель.

Для нашей консерватории, конечно, он оставил совершенно уникальный педагогический след. Он воспитал такое количество прекрасных пианистов, педагогов, музыкантов вообще, служителей искусства, культуры, что аналогов в этом плане нет. С 7 по 15 апреля проходил фестиваль, посвященный 100-летию Г. Г. Нейгауза. На концертах в рамках этого фестиваля в Малом, Рахманиновском залах Московской консерватории, в зале им. П. И. Чайковского, в Колонном зале Дома Союзов выступили ученики Генриха Густавовича. И сейчас, по его окончании, хочу сказать, что

но, все мы разные люди, и буднично честно говорить, в большей или меньшей степени впитали один из его постулатов — не себя люби в музыке, а любви музыке в себе. Однако для всех так или иначе характерен нейгаузовский принцип отношения к автору, к композитору, к его месту в мировой культуре как к гению! Мы — талантливые люди (в большей или меньшей мере), а играем мы гения, поэтому должно быть соответствующее бережное отношение к автору, т. е. «не Я играю Шопена, а я играю ШОПЕНА». В нашем фестивале такая картина и была представлена.

Это празднование показало, что фигура Нейгауза, как бы отдалась от нас во времени, в то же время вырастает в своих размерах. И совершенно ясно, что во время его жизни, несмотря на колоссальную любовь к нему, он в то же время не был по-настоящему оценен. И вот теперь со всей ясностью проявилось, что это абсолютно уникальная, удивительная, грандиозная фигура. Здесь я не касался личностных аспектов в отношении к нему, как, например, Нейгауз — любимый учитель, старший друг в музыке, в искусстве, в культуре, жизни, наконец. В наш прагматический век вспоминается, что бытовые проблемы его мало интересовали. Круг интересов Генриха Густавовича связан исключительно с философскими категориями, общечеловеческими, общечеловеческими, нравственными проблемами. Ну и, безусловно, все знают, что он был необычайно образованным, энцикло-

Пастернак, и Блок, и опять-таки ряд имен можно продолжить. Последнее время он очень увлекался Рильке. Если взять любимых писателей, то включал самых великих, безусловно, необходимо назвать Томаса Манна, который, как известно, был столь привержен музыке, и Генрих Густавович очень часто цитировал «Буденброков» и «Доктора Фаустуса». Нейгауз получил первое издание «Доктора Фаустуса» из Германии и буквально упивался этим произведением. Вообще у Генриха Густавовича была особенность упиваться жизнью, причем он настолько любил жизнь, что, по-моему,час всех заразил этой любовью, любовью к тому, что жизнь сейчас дает, и к тому, что она принесла за всю историю человечеству.

Если говорить о таланте Нейгауза-писателя, то, конечно, необходимо обратиться к его замечательным книгам. Нет сомнения, если бы он не занимался музыкой, он был бы замечательным, великодушным писателем. Во всяком случае в них проступает весь его облик, его раскованность, его необычайный артистизм.

Надо сказать, артистизм у него был во всем: в том, как он носил одежду, в том, как он приходил в класс, в том, как выходил на сцену. Каждый его урок был, в общем-то, сольный концерт, урок нравственно-этический, культурный, музыкантский, который невозможно забыть. Наоборот, чем дальше все это отодвигается во времени, тем больше, сильнее осознается

организовать, как отключились и радио, и телевидение и пресса, в этом можно увидеть альтернативу тому примитивизму, который у нас сейчас царит, я не хочу сказать, в музыкальном мире, а в мире, который связан с привлечением звуков (скорее так, потому как то, что называют зачастую «музыкой», конечно, не музыка, а нечто другое, прикладное, причем довольно примитивное искусство, не в высоком смысле этого слова, как мы зовем, к примеру, Пиромани — талантливый, гениальный примитивист. Нет, именно в самом, самом обыденном, ремесленном смысле).

Так вот, я считаю такие празднования очень действенными в деле культурного и музыкального воспитания, и было бы, конечно, очень хорошо, если бы мы все, кто участвовал в этом фестивале не останавливались на том, что мы его провели, потеряли, и на этом все закончилось. И консерватория, и все организации, которые причастны к музыкальной культуре, должны извлечь из этого хороший урок (почему извлекать урок нужно только из чего-то нехорошего)? Ведь консерватория обладает такими гигантскими традициями, в ее истории были такие замечательные, солидные фигуры, что, мне кажется, продолжение должно следовать.

Е. МАЛИНИН,
народный артист РСФСР,
профессор, зав. кафедрой специальной фортепиано, заместитель председателя оргкомитета фестиваля, посвященного 100-летию Г. Г. Нейгауза.